

Олег Чанышев

1. Конец большого лета.
2. [Первая командировка.](#)
3. [У озера](#)

Немного прозы и поэзии

(Герой рассказа "Конец Большого лета" - реальный человек и совсем даже не автор. "У озера" - набросок к повести, воспоминание, которое до сих пор вызывает приступ ностальгии. Остальное не нуждается в комментариях)

Конец большого лета.

Рюкзаки и альпенштоки свалены грудой в коридоре. После аэропорта их владельцев принимает "Шуркин привал". Начинали в комнате, подтягивались жены и мужа, только понаслышке знающие, что "лучше гор могут быть только горы", позже самые стойкие перемещались на кухню. Откуда-то сверху к вам в руки спускался бутерброд, сбоку выплывал стакан.

- Что петь будем? - спрашивал Александр, настраивая гитару.

- Саня, Сашенька, Сашенька, Шура: "Домбайский вальс", "Парус", "Гори-гори...", "Цыганочку" ...

- Отставить разговоры, - начинал хозяин нарочито хрипло. Жена, смеясь, прикладывала палец к губам: "Алик спит", квартира вздрагивала от могучего шепота: "Вперед и вверх, а там..."

"Летом Земля как один большой дом". Прекрасная пора Большого лета на улицах Жемчужной и Морском проспекте, пора лета души, помнящей еще палаточную весну в Золотой долине, первые институты, первых студентов, которые в словах "Большая физическая аудитория" ощущали некий сакральный смысл.

Городок был молод и дома в нем открыты. Визит в час ночи никого не удивлял. Споры о Кафке, Фрише, картинах Дали или акварелях Волошина заканчивались к утру эскизом экспериментальной установки. За окном покачивалась мохнатая сосновая лапа, и веселые лучи яркого летнего солнца прыгали по листам с выкладками и коричневыми полумесяцами от кофейных чашек.

Саша закончил университет с "красным" дипломом. В городе с номером вместо имени имел трехкомнатную квартиру и очень приличный оклад. Спустя года четыре он переехал в Городок, стал старшим лаборантом отдела Теоретической физики и владельцем "Шуркиного привала". Говорить о Смысле, Призвании не любил и этот эпизод своей биографии объяснял так:

- Был я экспериментатором и качающиеся стрелки приборов вызывали у меня непреодолимое желание выпить. Оставался один выход - переквалифицироваться в теоретики.

Жена шлепала его по затылку, просила не шокировать гостей, поясняя, что после своего "ящика" Шурка ночами просиживал над нашими и не нашими журналами, притащил с работы арифмометр, сочиняя модель каких-то там взаимодействий.

- Глаза красные, вечно небритый. Испугалась: для таких "полуумных" целый город построили, а мой так и умрет кустарем-одиночкой.

Во внешности его и в поведении на людях было нечто гусарское: пепельные вьющиеся волосы, сине-стальные глаза, нос с горбинкой, сильный подбородок. Он мог просто от хорошего настроения ярким весенним утром забраться по бельевой веревке на третий этаж в окно своей лаборатории, потом, повиснув на той же веревке, смывать с фасада следы своих "протекторов".

Работал постоянно, спокойно, продуктивно. Старенький "Рейн-металл" и огромный, разбухший том "Таблицы сумм, рядов и интегралов" Рыжика и Градштейна постоянно кочевали из комнаты на кухню и обратно. Никогда никого не осуждал и не обсуждал, только не любил людей, демонстрировавших свою занятость.

- Работа - это интимно.

В двадцать шесть он переехал в Городок. Через год появилась его первая статья в ДАН'е. Еще через три он стал получать из Западной Европы и Штатов обращения с просьбами дать отзыв о работах своих специалистов. Защитился в тридцать пять, когда, по словам директора института, ситуация стала противоречить законам природы. Сама защита длилась двадцать минут в стиле сборника "Физики шутят":

- Что такое спин, Александр Владимирович?

- Вчера я задал этот вопрос студенту и за ответ: "Сие познать мне не дано," - поставил отлично.

В тот день Саша был счастлив. Дело не в степени, которую он давно перерос, а в освобождении от вещей ненужных и формальных.

Но непривычно длинное лето кончалось и в просторе большого дома стали быстро расти индивидуальные стенки. Полированное дерево постепенно закрывало книги, выпячивая керамику, фарфор, хрусталь. Что же, нам не вечно по двадцать пять. Аспиранты становятся кандидатами, те - докторами и, как говорят англичане, положение обязывает. Только почему махровые истины типа "Не в деньгах счастье, но за деньги его можно купить" получают права гражданства, и прагматики уверенно и громко рассуждают о том, что сначала нужно остепениться, а потом уже заниматься наукой? Они были напористы и некурящи.

Он зашел ко мне месяца через три после защиты.

- Я уезжаю, - сказал Саша. - Из Городка. Совсем. Сейчас это модно. Остепенившись, отбываю за заслуженными благами. Обещают трехкомнатную, лабораторию, доцента.

Мы не были друзьями. В горы вместе не ходили, могли вообще подолгу не встречаться, хотя в Городке это сложно. Но, обычно сдержанный в таких вещах, мне он мог, с незабытым еще волнением, рассказать о первой любви, о видениях в памирском ущелье, где лежал со сломанной ногой и вовсе не был уверен, что его найдут.

- Что случилось, Саша?

- Случилось то, что восемь лет назад я сменил должность главного конструктора на старшего лаборанта, триста рублей на восемьдесят два не для того, чтобы отдав многое, получить еще больше. Наука тянула меня к себе сильнее, чем Ромео к Джульетте.

Провел ладонью по своей щетине и поморщился.

- Знаешь, есть клептоманы, графоманы, наркоманы. Теперь появились наукоманы. Бескорыстные протиратели штанов. Могут годами сидеть над проблемой, интуитивно делая все, чтобы отдалить результат - своего рода интеллектуальный онанизм. Будем справедливы: они - лучшие из паразитов.

Путь познания бесконечен, но нужно сделать конкретный шаг, чтобы увидеть новый горизонт. Я делал эти шаги, но, если угодно, не хотел выходить на защиту. Ненужный, отвлекающий от дела процесс. Единственное, о чем просил начальство - о квартире. Элементарно, надоело работать и принимать друзей на кухне. "Защищайтесь," - говорило начальство в ранге зам-по-быту-и-кадрам.

Все позади. Рефераты, оппоненты, предзащиты. Ни одного черного шара. Ругают за то, что не защитился пятью годами раньше. Квартиру же дали Глебову. Замяли скандал за серию банкетов по поводу защиты до защиты и дали квартиру. Я уезжаю.

Через два года он приехал в командировку. Посмеиваясь, - все это мишура, но - приятно, - рассказывал о Галине, еще не остудившей восторгов по поводу просторной "квартиры-в-историческом-центре-города", о строящейся даче, о машине, которую собирается купить, о том, что не до гор - много работы в лаборатории и университете. Мне же за каждой фразой его слышалась формула аутотренинга: "Дела мои идут прекрасно, я здоров и весел..."

Вечером, когда я провожал его на автобус в аэропорт, он сказал, словно взорвался:
- Никогда не уезжай из Городка. Что бы не случилось!

- Здесь я дома, а дома - в затянувшейся командировке. Каждое утро просыпаюсь с чувством, что за окном - лето, солнце и сосны, а за соснами - белое здание моего института. Но тут же понимаю, что за окном мощный бульжником двор, плотно уставленный "жигулями" просто и супер, и по их крышам барабанит бесконечный дождь.

Городок создавался специально для науки. В нем проще бороться с мещанином в себе, а на это уходят силы и время. Когда мы приобрели странную боязнь больших и емких слов: "Цель жизни", "Предназначение", "Призвание"?! Они обязывают, мы же трусливо хотим оставить за собой свободу духовного маневра.

Больше мы не встречались. Вскоре и я уехал далеко от Городка и Сибири. Лето кончалось. А в тот вечер пахло цветами и влажной хвоей. На густо-синем небе сияли высокие звезды.

[В начало](#)

Первая командировка.

В командировках я провел треть жизни. Случались приключения веселые и не слишком, приятные встречи и просто скука. Из первой командировки, вполне заурядной внешне, я привез экзотический рассказ, которым иногда развлекал компанию.

Вылетев вечерним рейсом на Баку, к девяти утра был в Сумгаите. Мне везло. Дела заняли часов семь и на исходе жаркого майского дня стоял в очереди к администратору единственной гостиницы. Конечно же я отличался от других соискателей, темпераментно потрясающих паспортами, отсутствием большой кепки, усов и молодостью. Этим можно объяснить дальнейшее: чуть иронический взгляд синих глаз дамы-администратора, похожей на киношных секретарш больших московских начальников, за которым вдруг последовало властное: "У вас же направление! Что вы там стоите?!" Пока оформлялись документы и я аккуратно пересчитывал сдачу, очередь молчала вполне лояльно. Отходя, услышал от синеглазой лениво-снисходительное: "Что с русского возьмешь!"

Номер оказался одноместным с огромным окном и балконом на набережную. Черный Каспий стеной вставал за полоской пляжа, воздух загустел от морской ароматной влаги цветущего юга.

В ресторане официант посадил меня к такому же одинокому посетителю. Зал был почти пуст. Через ряд от нас расположилась компания во главе с очень толстым мужчиной. Он сидел один за длинной стороной сдвоенного стола, человек пять как-то подобострастно устроились напротив. На эстраде парень наигрывал восточную мелодию, через большие паузы что-то напевая. Еще несколько молодых людей внимательно слушали, потягивая лимонад. Это было непривычно, но нравилось, только раздражал вульгарный блеск электрогитары.

- Не понимаешь, о чем он поет, да? - спросил сосед. И перевел, не дожидаясь ответа: "Прохожий! Молодой и веселый ты идешь мимо меня, но пройдет время и на твоей могиле прорастет трава!" Издалека?

Взаимно представились.

- Наверное, заметил уже, что в нашем транспорте все платят деньги, но никто не берет билетов?

Я рассмеялся, вспомнив, как удивленно посмотрел на меня водитель троллейбуса. Улыбнулся и Вахид.

- Оторвал билет, да? Все русские так делают. А знаешь, сколько нужно заплатить, чтобы устроиться водителем троллейбуса? Две тысячи. И потом нужно будет платить всем: механику, слесарю, электрику.

Он выпил, расстегнул еще одну пуговицу на рубашке, вытер платком шею.

- Я учился в Питере в Технологическом и сам, вернувшись, долго еще протягивал руку за билетом. Ай, какой дурак! - сказал он, сделав характерный темпераментный жест. - Мог остаться в аспирантуре и вообще в Ленинграде!

- Вот этого видишь? - подмигнув, кивнул в сторону большой компании. - Живот на столе не помещается! Кто он, думаешь? Большой человек! Смотритель рынка.

У нас обычай есть. На свадьбе, пританцовывая, - Вахид поворачивал кистями рук на уровне головы, - обходят гостей с подносами для денег. Этот небрежно бросает четвертной. Я же, простой советский инженер, сгорая от стыда кладу пятерку. Кому почет и уважение?

Невесело помолчал, потом неожиданно подытожил:

- Нормальный город. Пляж есть, теплое море есть. Только за нашими девушками не ухаживай.

- За девушку - зарежут?

Подумал, что неудачно пошутил, но собеседник лениво махнул рукой:

- Нет, русского, тем более такого интеллигентного молодого ученого, просто слегка побьют. Нам бы с армянами разобраться.

- При чем здесь армяне?

Взглянул пристально и жестко, но, оценив мой возраст, добродушно улыбнулся:

- Зеленый совсем.

Я не обиделся. Ему было под сорок, мне - двадцать три.

Вахид явно обрадовался "свежему" слушателю. Легко, как анекдот, рассказал о недавней встрече азербайджанской и армянской футбольных сборных в Кировобаде с итоговым вводом внутренних войск и отъездом второго секретаря на заготовку дров. Город оказался парализованным, поскольку делился на два - армянский и азербайджанский, а по месту работы жителей был вполне интернациональным.

- У нас и села - армянские и азербайджанские, и по этому поводу расскажу тебе историю, в которую - хочешь - верь, не хочешь верить, проверь по "Бакинскому рабочему".

Он назвал год и месяц выхода номера газеты, но и мысли не появилось проверить его рассказ, настолько был хорош сам по себе.

Молодой армянин, назовем его Аршак, приехал из Баку в село к родителям. Возвращаясь поздно вечером из другого села, на пустынной дороге остановил "Волгу", не мало не заботясь о национальности водителя. По дороге якобы заглох мотор. Водитель, азербайджанец, попросил парня поддержать фонарик. Тот вышел и едва избежал удара ножом. Ошеломленный, отступал, уклоняясь от выпадов, потом оторвался от атакующего и залег, пока водитель не оставил поиски (вероятно сам опасался неожиданного нападения, потеряв преимущество внезапности) и не уехал.

Переведя дух, Аршак направился к дороге, но споткнулся и упал. Поднимаясь, услышал стон. Не веря ушам своим, приник ухом к земле. Оттуда, снизу доносился сдавленный, протяжный полустон-полукрик. Нервы у парня были в порядке и он принялся в бешеном темпе разрывать неожиданно мягкую землю. Вдруг она зашевелилась и в

неверном свете ущербной луны навстречу его окровавленным рукам рванулась фигура в белом саване. Она извивалась и рычала, он остервенело рвал полотно там, где должно было находиться лицо, пока не услышал свободный и долгий вопль.

Из всего кошмара девушка помнила только, что в поле ее с подругами застала гроза.

Село было рядом. Из окон дома лился неяркий печальный свет. Аршак и девушка долго шепотом спорили о том, кто должен войти первым. Он настоял и негромко, но настойчиво постучал в дверь. Открыли без вопросов. Женщина со слабым криком отшатнулась, увидев незнакомого армянина. Он прикрыл за собой дверь до щелчка замка, чтобы девушка не вошла следом.

- Не бойтесь, - сказал по русски. - Знаю, что нарушаю обычай, но я пришел с добром.

- Говори. - За спиной вышедшего в коридор мужчины средних лет стояли еще двое молодых. У всех троих лица были мрачны и пальцы на тонких поясах видимым усилием сжаты в кулаки.

- Ты ворвался к нам ночью, когда тебе открыла женщина. И у нас горе. Так что говори дело.

В руке одного из младших сверкнул кинжал, но отец властным жестом остановил его. Аршак понимал, что одно неудачно сказанное слово, даже шаг назад к выходу могут спровоцировать нападение и растерялся, но девушка, услышав слова отца, стала стучать и что-то кричать умоляюще. Оттолкнув Аршака, женщина бросилась к двери. Обняв стоящую за порогом, медленно опустилась к ее ногам.

На рассвете, когда все немного успокоились, Аршак раз в десятый пересказал историю воскресения и подробно описал водителя и его машину, отец поднялся из-за стола.

- Едем, - сказал он. - Сегодня начнется очень большой праздник и не захочется портить его.

Мужчины встали, но женщина стала что-то горячо говорить мужу, показывая на Аршака и улыбаясь ему.

- Хорошо, - ответил ей глава семьи. - Наверное, ты права. Но мы навестим его.

Они вышли из машины у аккуратного двухэтажного особняка. За ажурной металлической оградой стояла точно такая же бежевая "Волга" с гордым серебряным оленем. Через некоторое время после напряженных переговоров с женщиной, появился ночной водитель. Он сразу увидел за плечами братьев свою жертву и хотел скрыться в доме, но его жестко остановили. Говорил Глава, водитель сначала порывался протестовать, но быстро сник и только иногда согласно кивал.

- Он давно сеет у меня в районе межнациональную рознь, - сказал уже в машине Глава. - Через неделю уедет из республики, если хочет жить. А живым уедет только потому, что моя жена просила за него: "Аллах использовал его, чтобы направить нашего дорогого Аршака на могилу дочери". Может быть Аллах действует слишком сложно, но и вправду эта сволочь причастна к тому, что моя девочка не задохнулась в могиле.

Глава клана едва смог произнести последние слова.

- Теперь ты - и мой сын, - продолжил он после паузы и крепко обнял Аршака. - Отдыхать не будем - едем к твоим родителям.

Девушка сразу влюбилась в Аршака. Пока гуляли первые несколько дней, убедилась, что нравится ему, и заявила близким: "Никогда не за кого кроме спасителя замуж не выйду." Родители парня заволновались поначалу: боялись - зарежут сына. Но отец девушки - не последняя фигура в Азербайджане - когда сам пережил легкий шок, сказал только: "Э-э, оставьте!".

Все закончилось мероприятием республиканского масштаба: молодых провезли по всем районам, они возлагали цветы, выступали во дворцах молодежи и были счастливы...

Следующий день я наслаждался морем, вечером слушал гитариста и утром уехал.

Много лет спустя по телевизору я увидел горящий Сумгаит. Растрепанная плачущая женщина сидела на земле среди разбросанных вещей и говорила в камеру: "Я ничего не понимаю! Где Советская власть?!" Вокруг, устало опираясь на автоматы, с какими-то потерянными лицами стояли русские мальчики в стальных шлемах.

[В начало](#)

У озера

На попутной машине Борис доехал до села Михайловское, сторож на спасательной станции "Озерное-1" дал ему лодку, и сейчас он подплывал к месту своей первой в жизни работы - работы пионервожатого.

Над вершинами сосен, над темной водой плыл чистый звук горна. В шестидесяти километрах от Семипалатинска, на берегу озера некто играл "Basin Street Blues".

"Он курит трубку, пьет крепчайший эль ..."

Импровизацией на горне встречал утро музрук "Озерное-2" Николай Михайлович Уралов. Ему около сорока. Длинные с проседью волосы. Крупные, несколько грубоватые черты лица. Нос с горбинкой свернут чуть влево. Бреется утром и перед ужином. Одевается как "стиляга" конца пятидесятих, с небольшой коррекцией на возраст: узкие отглаженные брюки, пиджак с красной "искрой", сорочка и галстук, или с пальмой или с обезьяной, но раздельно; иногда - черный шерстяной свитер. Курит трубку, смешивая "Капитанский" и "Золотое руно".

НикМих прекрасный рассказчик и выдумщик. Дети ходят за ним как хвостики. Меньших, постоянно путающихся у него под ногами, совсем не обидно называет "шнурками". Он - душа ночного общества, председатель "Клуба друзей магазина села Михайловки."

Однако есть в нем какая-то червоточина. Пьет неограниченно много не пьянея. Но один раз видел его Борис в лесу в состоянии звероподобном. Говорили: сидел.

На следующий день после приезда Борис и НикМих прогуливаясь у лагерных ворот, видят, как из подъехавшей новенькой черной "Волги" эдак выпархивает молодая девушка. В брючках и легкой летней кофточке. Темные очки, прическа - "Конский хвост", полные чувственные губы. Ее встречает директриса, подчеркнуто вежливо. Они коротко о чем-то переговаривают, директриса берет у приехавшей маленький чемоданчик и направляется к своему коттеджу.

Это Мила, Милава. Двадцать лет, студентка второго курса педагогического института и дочь Большой Городской Власти.

Рост средний, миниатюрна, тонка в талии, большая, но не чрезмерно, грудь, плотная матовая кожа. Небольшая родинка на правом бедре (как несколько позже, занимаясь приятными исследованиями, узнает Борис). Нежная и страстная без вульгарности.

Мила идет к озеру. То вспыхивая в полосе солнечного света, то почти исчезая в густой тени, ритмично плывет по тропинке, так, словно где-то играет оркестр и божественная Элла только для нее разбрасывает золотые брызги нот.

- Уп-туп-ту, уп -ту-ту-а,

- Уп-туп-ту, уп -ту-ту-а! - пропел на ухо Борису Николай Михайлович.

- Точно. "Счастлиное плавание".

- Да ты джазмен ...! Но у нас есть другая тема. И он поразительно точно воспроизвел вступительные такты альтового саксофона из Эллингтоновской "Я не могу начать".

Мила остановилась и помахала им рукой.

- Здравствуйте, хороший мой Николай Михайлович! Как здорово вы тогда играли!

Она подбежала к ним и Борис хотел тихо-тихо удалиться.

- Юноша, вы еще не представились!

- Простите, но вы такая красивая, что мне стало очень-очень грустно...

- Ну, ты даешь, престо-форте-модерато!

- Ах, ну почему же вам стало так грустно?

- У вас с Николаем Михайловичем есть общие воспоминания, а для меня ...

You like a star, a buty buty star!

You so far from me and so buty,

Like this star...

- But don't break hope. You have a good start.

- Я пошел, пошел, пошел, ... - сказал Николай Михайлович.

- Нет, это мы с вами пошли, пошли, пошли. - Мила взяла НикМиха под руку. - Юноша пусть поразмышляет.

You have a team for thinging, is't it?

[В начало](#)